

Сейчас, когда не знаешь, с кем и о чем говорить — дело кому-нибудь до искусства! — мыслями обращаемся к людям, которых хорошо знаем. Художникам, за чьим творчеством следишь много лет, таких, чью биографию уже давно нельзя разделить на тот или иной фильм, книгу, спектакль, удачный или даже совсем неудачный — неважно: существует личность в нераздельности своих пристрастий, взглядов, убеждений. Вот к таким людям и можно только обратиться в трудную для общества минуту. Таким, которые не изменят себе, не предадут. Не сбегут, наконец, за неким призраком свободы.

Культура. - 1991. - 12 окт. - с. 10.

Вадим Абдрашитов:

РАЗБЕГАТЬСЯ — СМЕРТИ ПОДОБНО

Таким для меня всегда был и есть Вадим Абдрашитов. Его фильмы «Слово для защиты», «Охота на лис», «Остановился поезд» и, наконец, самый зрелый и удивительный, «Парад планет» всегда были своего рода мерилем состояния общества в тот или иной момент. Так стало и со «Службой», самым, на мой взгляд, примечательным произведением времен перестройки и гласности, спокойным и мудрым, без нынешней конъюнктурной суеты.

Только что Абдрашитов вместе с Александром Миндадзе закончил «Армавир» (наша газета уже не раз писала об этой работе). Мнения о нем самые разные, есть и такие, что не принимают картину вообще. Я тоже при всей симпатии к Абдрашитову не могу сказать, что мне абсолютно нравится «Армавир», хотя отношусь к нему как к чему-то очень родному — была на съемках и своими глазами видела, как мучительно рождалось это «дитя».

Но вот прошло полгода. Еще раз все взорвалось в стране. И разве сегодня, в этот момент, мы не похожи на пассажиров рухнувшего «Армавира», которые бродят по земле, ница и не узнавая друг друга? Снова, как это было не раз, Абдрашитов и Миндадзе оказались пророками в своем Отечестве. Ох, какая же это нелегкая доля!

Только что Абдрашитов вернулся с фестиваля в Монреале. И когда я спросила его — ну как там фильм? «А его потеряли в Аэрофлоте», — ответил он уже спокойно, видимо, перегорело. Там, на фестивале, были две главные темы — путь и «Армавир».

Вот так начался наш разговор.

— Ситуация сегодня в кино безумно сложная. Мне могут сказать — разве только в кино? Безусловно, повсюду в стране, и мы еще к этому вернемся. Но пока я говорю о кинематографе. Об отрасли, которая гибнет.

— Гибнет!

— Именно гибнет. Как погибло кино в бывших социалистических странах — в Болгарии, Польше, Чехословакии, там уже его нет. И если мы сейчас, в самом экстремном, срочном порядке не примем программу спасения отечественного кинематографа, то нас ожидает та же участь: мы останемся государством без национального кинематографа.

Ведь что, собственно, происходит? Или уже произошло, не знаю? В эйфории реформаторства, открывавшейся, вероятно, с исторического V съезда, мы не заметили столько дров, что начать просто-напросто элементарную восстановительную работу, не сказать, по силе ли нам. Вместе с экономическим происходит разрушение и культурного пространства. Автономии, суверенитеты, отделения республик не означают, не должно означать, во всяком случае, разрушения этого пространства. Иначе мы получим несколько, хотел сказать, культурных, но нет, это, помоему, нельзя назвать культурой — заповедников местного, а бы даже сказал, местечкового патриотизма, местечкового общего с культурой не имеет. И уже сейчас это кое-где заметно. Культура же всегда служила и призвана служить объединению, собиранию пространства. Исторически отечественный кинематограф складывался как феномен многонациональной, интернациональной культуры. Если сегодня кино разбежится по своим национальным квартирам — отечественное киноискусство понесет невосполнимый урон. Воссоздать его будет невозможно.

Единственно, что дает хоть какую-то надежду, это то, что уже многие художники понимают это. И, как могут, противостоят.

— Не все. Меня, например, поразили аспекты деятельности Иона Унгуряну, который, став министром культуры Молдовы, издал приказ об искоренении в библиотеках русской

советской литературы. И это человек, который работал в Москве, которого все здесь знают, который всю жизнь варился в «общем котле».

— Да, не все. Но кинематограф, по самой своей сути, отрасль интернациональная. Если в Москве находится ВГИК, в котором всегда учились студенты из всех республик, в Ленинграде — ЛИКИ, институт киноинженеров, в Одессе завод «Кинап», в Киеве — копирвальная фабрика, в Казани — фабрика пленки, то как, скажите, это можно разделить? Я убежден в том, что сегодняшние центробежные тенденции назавтра сменятся центростремительными.

— И уже сменяются. Я вспоминаю последний пленум киносоюза, который был весной. Там все республики, делегаты Армении, скажем, больше всего стремившейся и стремящейся к отделению от СССР, громче всех и сильнее всех рвались обратно в центральную структуру киносоюза. Это просто поразило всех.

— Но этого надо было ожидать, ничего другого и быть не могло. Если бы вообще можно было перескочить вот этот, нынешний мучительный этап разбега, неизбежного, но и неизбежно обратимого снова в объединение! Достаточно посмотреть на Европу...

— Европа нам не указ.

— Зачем же нам сейчас разбегаться? Зачем нам этот лишний эпизод? Зачем нам плестись в хвосте Собчак, а не попытаться действовать на опережение? Киносоюз разваливается или уже развалился и не без помощи наших профессиональных буреветников. Но сейчас к деструктивным политическим тенденциям прибавилась еще и разрушительная стихия рынка. Уверен, что и здесь, когда отрасль подвергается коррозии всеобщей коммерциализации, особенно необходима стабилизирующая функция центра — называйте его как хотите, — который бы координировал индустрию, материальную базу, определенные творческие поисковые программы, которые просто не могут иначе существовать в условиях немедленной коммерческой отдачи. Этот центр работал бы на будущее кинематографа, занимался подготовкой технических и творческих кадров (ведь нельзя же всерьез говорить о доморощенных ВГИКах в республиках). Наконец, ему должен принадлежать Госфильмофонд, Киноархив — опять же десятилетиями накапливаемое достояние. Одним словом, государственный центр по координации кинематографического процесса. И, главное, поддержке и национальному кино.

— Вот еще проблема! Посмотрим, что происходит. Национальное кино куда-то исчезло, растворилось. Сколько времени мы уже не слышим о грузинских фильмах, о киргизских, мелькает, пожалуй, только казахское кино. Но ведь и оно все возросло на мастерской Сергея Соловьева! Мне не раз в различных командировках приходилось убеждаться, что в Таджикистане не смотрят таджикское кино, а в Латвии — латышское.

— А между тем при прежней системе латышское или таджикское кино имело всеобщий, государственный прокат, которого ныне просто не существует. Встречная диффузия культуры, взаимопроникновение национальных начал — и не «концерт дружбы народов», к чему сейчас хотели бы свести суть советского кино. Это даже не поддается рациональному объяснению, но оно есть — уникальное многонациональное кино, которое надо сохранить и сберечь. Сегодня же заметнее тенденции изоляции. Значит, и возникает вот эта функция общего центра — сохранения межреспубликанских, межнациональных связей.

Не исключены даже опасности воссоздания в самой России Госкино РСФСР, некоего органа по управлению кинематографией, который может вернуться к временам давно пережитой жесткой цензуры.

— Какая сейчас может быть цензура!

— Еще какая! Дурно понимаемая государственность. Охранительная функция, из лучших, одним словом, побуждений. Мы это уже проходили. Между тем центр, находясь у всех на виду, координирует процесс, не вмешиваясь в его творческую суть. Одна из важнейших его функций — финансирование, распределение бюджетных денег на конкурсной основе на реализацию творчески наиболее интересных программ, разумеется, с участием кинематографической общественности. Кстати, денег дают все меньше и меньше...

— Ну как же так! Сейчас вместо ста пятидесяти снимается триста, четыреста фильмов в год, такое ощущение, что наступил Клондайк, золотая эра!

— Это только кажется. И думаю, что скоро кончится. Кино сегодня не золотая жила, люди не ходят в кинотеатры, идет массовый отток зрителя. И я думаю — шальные деньги, прихлынувшие было к кино, в какой-то момент, так же быстро от него и отхлынут.

И вот здесь встает одна проблема центра — организация государственного проката. У нас было единое съемочное пространство. И единое прокатное пространство, которые, и то, и другое, сегодня исчезают или уже исчезли.

В связи со всем этим, со всем, о чем мы здесь говорили, с острейшей ситуацией в кинематографе, мы, конфедерация союзов кинематографистов, многие ведущие кинематера, в том числе и из республик, обратились к Президенту страны, к руководству Госсоветом с тревожным письмом, где говорим об угрозе исчезновения, которая грозит киноотрасли в целом. (Что произошло в странах Восточной Европы). Хотим встретиться с руководителями страны и объяснить, чем чревата для всех нас, для культуры сегодняшняя ситуация. И о том, понять это надо для самих себя, что в такой ситуации спасет только единство. Объединение.

Никакой раскол киносоюза, никакие его диссоциации — чуть ли не на молекулярном уровне городских организаций — недопустимы. Союз немало потерял в престиже и общественной значимости, став конгломератом многих организаций, а не личностей. Ведущие мастера оказались в тени, а не столь ведущие занялись реализацией собственных амбиций. Сегодня поздно уже менять, пусть останутся республиканская республика. Но российский союз должен быть единым — ни московским, ни ленинградским или свердловским — но союзом личностей с сильным секретариатом, с представительными именами людей, известных всей стране. И так именно бороться за самый факт своего существования.

— Разве не ясно было и раньше все это! Когда до одури боролись с республиками за квоту, за представительство!

— А на самом деле шла дележка стула под собой, имущественная. Появилось вдруг большое количество маленьких начальников.

— Говорят, что несоизмеримо количество кинематографистов в Москве или Ленинграде с остальной Россией.

— Значит, в руководстве российского союза количество представителей должно быть пропорционально количеству членов СК. Дележка же угрожает тем, что происходит ныне в Союзе писателей. У нас такого никогда не было, но сейчас мы близки к чему-то подобному. Кинофонд, киноцентр — все это должно быть единым. Иначе мы погибнем. Повторяю, что-то сходное происходит сегодня в сфере культуры вообще, люди все отчетливее понимают, что это все-таки культура, у нее свои законы, своя функция — объединения людей.

— И в самом деле есть это тяготение! В республиках, я имею в виду!

— Да. Я это вижу и постоянно

но общаюсь с кинематографистами из самых разных регионов, говорю это с полной убежденностью. Это особенно важно сегодня, в момент массового отлива зрителя из кинозалов.

— А чем все-таки он объясняется, отлив! Ну я понимаю — ТВ, видео. Но ведь Запад давно прошел через это, и там люди ходят в кинотеатры. Во всяком случае, если бы этого не было, то не делались бы общезримые фильмы, не вкладывались бы в них очень большие деньги. Или мы просто проходим ту именно фазу, которую там давно прошли!

— Кино утратило свой зрелищный потенциал — в этом все дело. На Западе кино его имеет, о нем думают. На него работают. Вкладывают огромные деньги. Нельзя забывать и о том, что кинематограф в основе своей — демократическое зрелище. Быть может, для нас сегодня это прежде всего мелодрама, история про Золушку. Сегодня, когда мы вступили в пору жесткого социального разграничения, деления общества на богатых и бедных. Рассказывая историю о бедных, кино всегда возвращало зрителя в зал — вспомним неореализм.

— Да, наверное, и эпоху великой депрессии...

— Конечно! Тогда-то она, мелодрама, и расцвела. Релакс. Успокоить надо народ, дать ему надежду. Вернуть иллюзию стабильности нравственных ценностей.

— Это в эпоху наступающего

рынка! Вернуть нравственные ценности сегодня, когда мы отринули все, чем жили вчера, чем, кстати, и русская литература испокон века воспитывала, пела сирых, убогих, обиженных! А сегодня мы говорим — обогащайтесь! То, что мы вам вчера и позавчера внушали, было все неверно, вот то, что сегодня говорю, истинно. Это же какая-то промывка мозгов! Как в этих условиях жить искусству! Да вся русская литература отторгала подобные ценности!

— В Китае я видел одну очень наивную картину, пользовавшуюся бешеным успехом. Это своего рода наша «Путевка в жизнь» — парень отсидел в тюрьме за хулиганство и попадает в кооператив, кажется, рыбаков. Там он участвует в процессе трудового перевоспитания и оказывается в финале хорошим кооператором. Но ведь что-то привлекает людей и в такой схеме!

— Вот мы говорили о Золушке. И я вспомнила об одной своей знакомой. Она, что говорится, простая женщина, живет с девочкой, матерью и отчимом, инвалидом в однокомнатной квартире. Я наблюдала, как она и ее мать, такая советская Анна Маньяни жэковского масштаба, как они восприняли события августа. Они восприняли их как свою собственную, личную победу. Ну а что дальше! Разве в ее несчастной жизни — несколько лет они стоят в очереди на внеочередное получение жилья — что-нибудь изменится! И когда — сегодня, завтра, через десять лет! Каково же будет разочарование и какое кино ей, вот ей именно, и таким, как она, нужно! Про что!

— Хотя бы в кино чтобы все завершилось благополучно — это именно то, о чем я говорил. Хотя бы в кино! Разве ей нужно про ее жизнь? Нет. Ну откуда иначе такой немудрый успех «Рабыни Изауры»? Люди устали, возбуждены, встревожены.

Общество, конечно, и там, и у нас, на перепутье. Жизнь, однако, продолжается, и общество не сможет существовать без культуры, без искусства. Современная культура — это завтрашние возможности. Нелепо будет в угаре сегодняшних дней потерять завтра.

...Да, мы сошли с тонущего корабля. Но сейчас мне все больше и больше вспоминается тот эпизод фильма, где крутится «чертовое колесо» и люди на призыв с потонувшего «Армавира» кричат в ответ: «Воркута! Таллинн! Алма-Ата!» Много боли, но для меня и надежды в этих кадрах нового фильма Вадима Абдрашитова.

Беседу вела
Валентина ИВАНОВА.
● В. Абдрашитов.
Фото А. Тягни-Рядно.

